

Дряхлеющая нация опирается на
былые заслуги, как немощный ста-
рик — на посох; сильная оставляет их
музеям, сжигает штандарты врага и ша-
гает дальше.

У истоков XX века

Доверху груженный межнациональными конфликтами и сварами транснациональных корпораций, отягощенный биржевым и банковским кризисом, громяхая пока еще региональными войнами и отчаянно скрипя перьями дипломатов, поезд мировой геополитики и макроэкономики тяжело вползал на заснеженный полустанок 1901 года.

Человечество вступало в новую эпоху — «век электричества». Из салонных развлечений и фокусов вылупились невиданные ранее промышленные отрасли — электромеханическая и энергетическая. Забавная игрушка Майкла Фарадея превратилась в двигатель на электротяге, а соленоид с сердечником Андре Мари Ампера открыл незнакомые ранее способы выработки электроэнергии. Промышленность и города стремительно электрифицировались.

Словно откликаясь на невидимые магнитные поля, создаваемые тысячами неведомых машин, пришел в движение человеческий океан. Избыточное население метрополий сливалось в колонии. Село перетекало в города. Совсем еще недавно крестьянская, Европа к 1900 году почти половину своих бауэров и пейзаж делегировала на заводы и фабрики.

Там, где встречались и сталкивались людские потоки, человеческие драмы соседствовали с трагедиями, по сто раз на дню завязывались новые отношения и рушились вековые союзы, торговались товары и головы,

а особо ушлые представители хомо сапиенс цинично заявляли, что друг — это тот, кого невозможно купить, но можно очень выгодно продать... Впрочем все, что касается людей, было абсолютно справедливо и для государств.

Британские потомки отчаянных пиратов, ставшие лордами и пэрами, метались по всей планете, защищая свое «священное право» единолично грабить страны Третьего мира, уже не успевая закрывать все щели, через которые в зону их жизненных интересов со всех сторон лезли деловитые конкуренты. В 1900–1901 годах в Африке Лондон увлеченно давил и душил бурские государства. Постоянно отступая под ударами английских войск, буры перешли к тактике партизанской войны, совершая налеты на коммуникации и отдельные британские посты. Лорд Китченер приказал заключить женщин и детей, находящихся в родстве с повстанцами, в концентрационные лагеря и усилил начатую Робертсом тактику «выжженной земли», разрушая бурские фермы.

В это время на другом конце империи, в Индии, уже начинался очередной голодомор. Вместе с ним росло недовольство колонизированных племен. А буквально в двух шагах от главного бриллианта Британской короны уже бродили летучие отряды русских охотников. Германия шастала вдоль всего побережья Индийского и Атлантического океанов, примеряясь, где бы взяться за него поухватистее. Раздухарившиеся американские колонисты расползались по Тихому океану, как тараканы, объявив в 1900 году своей собственностью Гавайи...

Да и в самой столице королевства было совсем неспокойно. На конференции в Лондоне Независимая лейбористская партия, Фабианское общество, Социал-демократическая федерация и профсоюзы учредили Комитет независимого представительства трудящихся

в парламенте. Секретарем Комитета был назначен Рамсей Макдональд.

Аккурат 31 декабря у одного из кромлехов в до- историческом памятнике Стоунхендж в Южной Англии вдруг упал вертикально стоящий камень и рухнула перемычка. Впервые подобное случилось в 1797 году и ознаменовало приход Наполеона, поставившего Великобританию перед смертельной угрозой поражения. А потом, в самом начале 1901 года, умерла королева Виктория, и элиты Европы замерли в ожидании...

В первую очередь застыл Париж. Лощеная и утонченная законодательница европейских мод, Франция в 1901 году больше напоминала старуху-процентщицу Достоевского. Ростовщичество — главная кобылка, на которой выезжала экономика Третьей республики в конце XIX — начале XX века. Два миллиона французов существовало за счет вкладов в банки и ценные бумаги. Причем из 100 миллиардов кредитных франков лишь десятая часть была влита в национальную промышленность. Остальная масса оказалась вывезена и размещена в зарубежных векселях с доходностью на четверть выше национальной. Собственная индустрия страдала малокровием — в 1900 году 94 процента всех французских предприятий имели от одного до десяти работников. И хотя с 1870 года французская промышленность выросла в три раза, мировое производство в те же годы увеличилось в пять, и гордые галлы покинули тройку лидеров, переместившись со второго на четвертое место, уступив США и Германии, стремительно набирающим темпы промышленного роста.

Над всей этой мелочевкой уже вздымались стальными исполинами прусский милитаризм и германский экспансионизм, еще не успевшие напиться крови, но уже не скрывающие свои аппетиты. Быстро растущее население, экономика и амбиции Германии все больше

ощущали недостаток Lebensraum (жизненного пространства), хищно поглядывая на соседей по глобусу, отягощенных явно излишней земельной собственностью.

В 1900 году в Германии был принят Закон о военно-морском флоте. В соответствии с ним планировалось построить океанский Hochseeflotte, превышающий по своей мощи британский Grand fleet. В этом же году в Германии первый испытательный полет осуществил цеппелин, незамеченный и не оцененный ни одним военным экспертом. Глядя на это неуклюжее недоразумение, никто не мог предположить, что совсем скоро гигантские воздушные корабли начнут наводить ужас на полях сражений. А в концерне Круппа уже трудилось 40 тысяч человек, денно и нощно штампующих оружие. Весь финансовый и материальный потенциал оружейного гения был направлен на армейские нужды, вся продукция имела военное приложение. С Австро-Венгрией и Турцией уже был согласован маршрут железной дороги «Берлин–Багдад», откуда до британских владений было рукой подать. От всего вышеописанного холодела спина и у процентщицы Франции, и у чопорных островитян с Туманного Альбиона.

Точно такими же глазами, как Германия, из-за океана на весь Старый Свет глядела Америка. Она не хотела колоний. Она не стремилась к союзам. Америке нужен был мир. И желательно — весь! В США, или как тогда их называли — САСШ, происходило все самое интересное. Генри Форд уже изобрел, но пока не внедрил массовое поточно-конвейерное производство, которое совсем скоро перевернет весь потребительский рынок, сделав дешевыми товары, доступные еще недавно только очень богатым людям. Там же, в Америке, уже оперились и вылезли на свет две крупнейшие финансовые группы — Моргана и Рокфеллера. Они вот-вот станут

инициаторами учреждения Федеральной резервной системы — банка мировых войн. Американец Реджинальд Обри Фэссенден в 1900 году впервые осуществил передачу публичного выступления по радио. «Истмен Кодак компани» приступила к выпуску фотоаппаратов «Брауни», предлагаемых всего по доллару за штуку. Братья Райт в своем сарае увлеченно мастерили первый в мире аэроплан. Верфи Крампа штамповали военные корабли, как горячие пирожки: «Индиана» — головной корабль этого типа для ВМФ США, «Касаги» — для ВМФ Японии, броненосец «Ретвизан» и крейсер «Варяг» — для России, «Меджидие» — для Турции.

По другую сторону Тихого океана затаилась оскорбленная Япония. У нее отобрали отвоеванный у Китая Ляодунский полуостров, тут же прибранный к рукам русским царем. Японцы поняли, кто среди гайдзинов является самым главным гадом. Японии поддакнули добрые английские друзья: «И что, вы это все так просто стерпите?» Япония терпеть не собиралась и сосредоточенно готовилась. Тридцать лет назад — в 1870 году — произошла революция Мэйдзи, превратившая феодально-раздробленное государство в сверхцентрализованное, упразднившее сословные привилегии и положившее начало вестернизации и индустриализации. В 1900–1901 годах этот локомотив уже разогналса и неуклонно тащил Японию в гору милитаризма, превращая страну в один большой военно-промышленный лагерь. Семьсот семьдесят миллионов иен, половину из которых составляли кредиты Британии, были брошены на строительство нового флота и модернизацию армии.

Можно сказать, что к войне с Россией Японию готовили всем миром. Франция взяла шефство над легкой промышленностью, начав с продажи Токио трехсот новейших шелковых мотальных машин. Поль Брюнэ

возглавил коллектив французского технического персонала, следившего за работой на машинах, и обучал японских рабочих. Британское правительство озабочилось строительством железных дорог, предоставив финансирование, железнодорожные вагоны и даже главного инженера-строителя Эдмунда Мореля. В общей сложности около трех тысяч иностранных специалистов прибыло в Японию на пике модернизации, и это не считая военных.

Офицеры британского военного флота натаскивали японских моряков. Прусские военные специалисты усиленно дрессировали армию. Англосаксы строили для ВМФ Японии военные корабли и подвижной состав, поставляли портовое оборудование и снаряжение. Широкой полноводной рекой лились в Японию американские природные ресурсы и продовольствие. Естественно, что с такой «спиной» аппетиты японских генералов росли не по дням, а по часам — они уже видели флаг Хиномару не только над Кореей и Маньчжурией, но и над всем русским Дальним Востоком и даже над Уралом.

И вот между этими клокочущими, полными энергии германским и японским вулканами простиралось громадное сонное царство Российской империи. Уже ушло в далекое прошлое время, когда без разрешения русского царя не стреляла ни одна пушка в Европе. Крымская война излечила Старый Свет от боязни русской армии, а неуклюжая русско-турецкая кампания 1877 года окончательно убедила весь мир, что медведь одряхлел и уже не может претендовать на былое величие.

В 1900 году граф Муравьев, министр иностранных дел России, предложил Франции и Германии оказать совместное давление на Великобританию, чтобы положить конец войне в Южной Африке, и был дипломатично послан в дальние дали. Германия вежливо отклонила предложение. Франция решила воспользоваться

ситуацией для того, чтобы усилить свое присутствие в Марокко. Англия инициативу России демонстративно проигнорировала. Ранее русский царь был поднят на смех «своими западными партнерами» за предложение о всеобщем разоружении. Коллективный Запад воспринял эти инициативы как мольбу о пощаде, а такой опции в списке доступных у него сроду не было. На России поставили крест и оставили на сладкое.

Когда в Османской империи началась резня армян, Николай II попробовал возмутиться, но был встречен ледяным евровравнодушием, а кайзер даже демонстративно посетил Стамбул, чтобы выразить свою поддержку султану и показать России, что он думает по поводу ее возмущений.

Зато крайнюю озабоченность Англии вызвало строительство Транссибирской магистрали, военные и дипломатические успехи русских в Китае. И «англичанка опять начала гадить», сколачивая антироссийскую коалицию. Обратилась даже к нелюбимой ею Германии. Там канцлером недавно стал фон Бюлов, тоже бывший сторонником англо-австро-германского блока против России и Франции. Удалось достичь договоренности: кайзер прекратит помощь бурам, а англичане смирятся с ростом немецкого влияния в Турции. Британцы сочли, что Берлин поможет укрепить расшатанную державу Абдул-Гамида, что тоже ложилось в русло антироссийской политики. Слава богу, что дальше переговоры зашли в тупик. Лондону требовалась поддержка для войны на Дальнем Востоке. Берлин рассудил, что в такой компании весь выигрыш достанется Британии, а кайзеру нужна была помощь для войны в Европе. Это не устраивало уже англичан, поскольку означало установление германского господства у себя под боком. В итоге высокие договаривающиеся стороны до дележа России не доехали.

Впрочем, царю это помогло слабо. Не найдя понимания в Германии, правительство Британии обнаружило его в Японии, и с этого момента дружба Лондона и Токио превратилась из взаимовыгодной в закадычную. Достаточно сказать, что новейшее английское орудие 12"/40 Mark IX, ставшее главным калибром английского флота, впервые было установлено на японских броненосцах «Фудзи» и «Ясима». На британских военных кораблях оно появилось лишь спустя четыре года! Это к слову о том, насколько серьезно относились англичане к вооружению японского флота новейшей техникой.

Четверка других японских броненосцев — «Сикисима», «Хацусе», «Асахи» и «Микаса», построенных на верфях «Армстронг», «Джон Браун» и «Тэмз Айрон Уоркс», — при всех их небольших различиях, находилась в одной весовой категории с крупнейшими и сильнейшими в мире английскими кораблями и ни в чем им не уступала. А может быть, и превосходила.

Тогда же у ВМФ Японии появились построенные в Эльсвике, как раз прославившемся созданием относительно небольших и дешевых, но при этом весьма мощных судов, крейсера «Асама» и «Токива». За ними последовали почти идентичные «Идзумо» и «Ивате». Мощностей одного «Армстронга» японцам не хватало, поэтому еще два сходных крейсера — «Адзума» и «Якумо» — были заказаны во Франции и Германии.

А в это время Российская империя не спеша достраивала Транссиб, разрывалась между возведением крепостей в Либаве и Порт-Артуре, боролась с банковским кризисом 1899 года, переползающим в промышленность, и понимала, что уже не успевает латать все экономические дыры и отвечать на все геополитические вызовы. Стеснение в оборотных средствах регулярно приводило к срыву поставок и затруднениям производства товаров отечественной промышленностью. Бан-

кrotились вчера еще надежные предприятия, на ладан дышали банки, откровенно нищенствовала деревня.

Благодаря золотому рублю и чрезвычайно высокому покровительственному тарифу общий объем иностранного капитала в России скакнул к 1900 году с 200 до 900 миллионов рублей, а доля его в российских предприятиях поднялась до половины от всех инвестиций. За сомнительную радость быть достойной внимания денежных мешков Россия платила полмиллиарда золотых рублей в год в виде завышенных цен на жизненно необходимые товары.

Все это время всесильный министр финансов С. Ю. Витте держал военно-морской флот на строгой финансовой диете. Выбор типов судов при строительстве определялся не их тактико-техническими качествами, а дешевизной производства. Например, сошедшие со стапелей Санкт-Петербурга крейсера, носящие имена древнеримских и древнегреческих богинь «Диана», «Паллада» и «Аврора», при внушительном водоизмещении в шесть с половиной тысяч тонн, были оснащены самой слабой в этом классе кораблей артиллерией без всякой броневой защиты. Сэкономили даже на примитивных щитах.

В армии положение было не лучше. Армейские уставы на разные лады перепевали рулады на тему «пуля — дура, штык — молодец», а за ними скрывался жесточайший патронный дефицит и отсутствие всяких соображений, как его преодолеть. С огромным трудом доведенная до производства трехдюймовка не имела достойной обвески и боеприпасов. Первую партию мосинских трехлинеек и ту пришлось заказывать во Франции — в России просто не оказалось достаточных производственных мощностей. А еще были проблемы со снаряжением, обувью, подготовкой офицеров и унтер-офицерского состава, планированием, интендантурой и прочая, прочая, прочая...